

COLD FIRE
ХОЛОДНОЕ ПЛАМЯ

*Посвящается Андреа,
которая заботится о реальности,
пока я погружен в воображаемые миры.*

Действие романа происходит во время 10-го сезона, между эпизодами «А был ли мальчик?» и «Остановись и горы».

Не жалуясь на разделение труда, Дэйв Холкомб перетаскивал цельные панели шестифутового деревянного забора из разбитого кузова «Форда F-150», припаркованного задом на подъездной дороге, через подпертые ворота во двор за своим новым домом. Каждую секцию из древесины ели, обработанной под давлением, он укладывал в аккуратную стопку, растущую посреди маленького, вымощенного плитами патио, которое граничило с узким двором, напротив сарая. Именно сарай стал последним аргументом, когда решался вопрос о покупке дома: места для хранения слишком много не бывает.

Переправив с десяток столбов, планок и реек из машины в патио и выстроив их за красным металлическим ящиком для инструментов, Дэйв не жалел, что остался дома, чтобы как следует поработать на свежем воздухе, пока его жена Салли отправилась по магазинам. Ей не терпелось посетить торговый комплекс Брейден-Хайтс и пробежаться по лавочкам, в которых продавали местные товары ручной работы. Новые соседи утверждали, что они просто обязаны это увидеть. Но походы по магазинам, особенно, если предполагалось разглядывание витрин, действовали Дэйву на нервы. Перед тем, как отправиться в местный строительный магазин, он в последний раз окинул взглядом разваливающуюся ограду и составил список всего, что понадобится, чтобы привести ее в порядок. В магазине он взял прочную тележку — из тех, которые никогда не катятся туда, куда их толкаешь, — и стал склады-

вать в нее покупки, вычеркивая пункты из списка. Каждый шаг приближал его к завершению дела, а Дэйву нравилось заканчивать начатое.

Они пробыли в Брейден-Хайтс, штат Индиана, чуть больше недели, и Дэйв выделил себе месяц, максимум шесть недель, на то, чтобы привести новый дом в порядок. Он не считал, что дом так уж нуждается в ремонте, но все же добавил в список ремонта — главный список, включающий все остальные, у него тоже был — достаточно пунктов, чтобы занять каждый выходной день и немало будних вечеров в уставовленных временных рамках. Ему это было не в тягость: Дэйв любил работать руками, и список служил серьезным оправданием его нежелания толкаться в толпе любителей шопинга и бесцельно блуждать среди витрин. К тому же, ремонт позволил немного сбить цену за дом так далеко от привычного Сан-Бернардино в Калифорнии.

По сравнению с жалким клочком земли за их старым многоквартирным домом, новый двор казался громадным — эта роскошь потребует более серьезного ухода. Может быть, даже придется нанять команду профессионалов... Но, хотя на новой работе платили неплохо, Дэйв решил, что, пожалуй, справится сам. Если позволит время, разумеется. Теперь у него была хорошая должность и приличная зарплата, но новая работа наверняка будет отнимать гораздо больше времени, чем стандартная сорокачасовая рабочая неделя.

Удерживая очередную панель руками в перчатках, Дэйв боком прошел через заросший газон. Половину главного списка занимало обустройство ландшафта. Заботы требовал и буйный кустарник вокруг сарая, но в первую очередь следовало починить забор. Дэйв часто слышал: где хорошие заборы, там хорошие соседи. Репутация Холкомбов рушилась вместе с покосившимися секциями ограды, прогнившими рейками и крошащимися столбами. Кредит доверия, выданный им в связи с недавним переездом, быстро таял.

Дэйв признался себе, что его, как ни крути, волнует, что о его семье думают другие. Первое впечатление самое важ-

ное. Пока работа не начала забирать почти все его время, он решил привести дом в порядок *снаружи*. Ведь если он не уложится в график ремонта *внутри*, об этом будет известно только ему и Салли. До тех пор, конечно, пока Салли не соберется устроить неизбежную вечеринку по случаю новоселья.

Дэйв поставил новую панель рядом с той, которую соби­рался заменить. Столбы еще можно оставить, а вот старая панель прогнила настолько, что почти все гвозди из нее вы­валились. Дерево на заостренных верхушках столбов кро­шилось и осыпалось, словно труха.

— Что ж, поехали... — пробормотал Дэйв.

Направляясь в патио за молотком-гвоздодером, он подумал: не принести ли из гаража старое радио? Ему, конечно, нравилось работать на свежем воздухе в тишине, но под музы­ку дело пойдет бодрее...

Вдруг Дэйв остановился. Прислушался.

Откуда-то доносился слабый звук... Детский плач?

Плач, хоть и тихий, звучал близко. Слишком близко. На заднем дворе.

Какого черта?..

Он развернулся и посмотрел на деревянную панель, ко­торую оставил футах в десяти в стороне. Наклонил голову. Повернулся еще немного. Сарай?

Подумал: может, кто-то оставил младенца в сарае Хол­комбов? Потом в голову ему пришел еще один, менее прав­доподобный вариант: что если там поселились бездомные? Сарай снаружи был похож на маленький домик: островерхая черепичная крыша, занавески на окнах по обе стороны от двери и... никаких замков.

Шагнув к сараю, Дэйв нерешительно окликнул:

— Эй?

Ему было не по себе от одних только мыслей о том, что такое возможно, но ведь *на самом деле* случаются и более не­вероятные вещи. Если сарай заняли бродяги, они могут быть вооружены... Пусть даже у них нет ножей и пистолетов —

в сарае достаточно инструментов, которые могут стать оружием убийства. Он должен быть осторожен.

— Есть тут кто-нибудь?

Слабый плач не стихал, и Дэйв уже почти убедил себя, что в сарае ребенок или даже целая семья. Но когда они успели... вселиться? Он был там сегодня утром, перед тем как отправиться за новым забором. Спрятаться там негде — помещение площадью примерно десять на двенадцать футов, все углы просматриваются. К тому же, пока он отсутствовал, ворота были закрыты на замок.

Дэйв подумывал о том, чтобы все же добраться до гвоздодера, ведь тогда у него будет что-то для самозащиты, но почувствовал себя глупо. Отогнав навязчивые мысли, он подошел к сараю, повернул ручку и распахнул дверь. Даже сейчас, после полудня, здесь было темновато: солнечные лучи едва пробивались сквозь ветхие занавески на маленьких окнах.

Он внимательно оглядел инструменты, проверяя, нет ли где укромных мест, где мог бы поместиться младенец. Но, судя по количеству паутины, единственными обитателями сарая были пауки. Зайдя внутрь, Дэйв сдвинул сложенный брезент, оттолкнул в сторону красную тачку, приподнял охапку подвесных светильников. Ничего.

А ребенок продолжал плакать — тихо, но отчетливо. Это было безнадежное всхлипывание, словно у него уже не хватало сил на возмущенный рев, на который откликнется любой человек в радиусе трех кварталов, если у него есть хотя бы намек на родительский инстинкт. Этот плач странно действовал на Дэйва — ему казалось, что он единственная надежда младенца.

Теперь, когда Дэйв стоял посреди сарая, он решил, что плач доносится снаружи. Тут Дэйв подумал о кустах под самыми окнами. Когда он впервые обследовал дом, то не рассмотрел как следует ограду за сараем — сквозь переплетенные ветки видна была лишь небольшая ее часть. Выйдя из сарая, Дэйв повернул ручку, чтобы закрыть дверь так плотно,

как это только возможно без замка. Уверенный, что кто-то оставил ребенка за сараем, он искал в кустах просвет и гадал, как кому-то удалось тут пройти, не оставив следов — сломанных веток. Потом его посетила более страшная догадка — что если кто-то подошел к сараю с другой стороны, по заросшему травой и сорняками полю, и перебросил ребенка через забор... высотой в шесть футов?

Нет, не может быть!..

Продираясь сквозь спутанные ветки, которые уже исцарапали ему лицо, шею и руки, Дэйв пожалел, что не прихватил в сарае садовые ножницы, а то и пилу, но возвращаться было некогда. Вот только как пронести тут ребенка, не причинив ему еще больше вреда?

Плач превратился в тихое всхлипывание. Почему-то эти звуки встревожили Дэйва больше, чем отчаянные крики. Брошенный и раненный ребенок мог находиться при смерти. А вдруг он слышит его последние вздохи? Дэйв ринулся вперед с удвоенной силой, едва обратив внимание на то, как колючая плеть хлестнула его по ладони, оставив пунктир из капель крови, похожих на красные бусины.

— Держись, — проговорил он тихо, затем повторил громче: — Держись, я иду!

Последняя ветка просвистела за спиной, соседние предупреждающе зашуршали. Дэйва окутал запах хвои, на миг напомнив о Рождестве: счастливые детские воспоминания о подарках и роскошных застольях. Это было странно — ни на участке, ни рядом хвойные деревья не росли. Но сейчас было не до того. Дэйв свернул за угол и оказался в узком пространстве между задней стеной сарая и забором.

Разумеется, он тут же посмотрел на землю, ожидая увидеть младенца в пеленках или в грязном подгузнике. Но увидел лишь редкую траву, остатки увядших растений и высохший трупик какого-то зверька, кажется, белки.

И вдруг оказалось, что Дэйв не один. Он заметил чьи-то ноги перед гнилыми досками забора — там, где секунду назад было пусто.

«Как?..» Он вскинул глаза, скорее недоуменно, чем испуганно.

Все случилось так быстро, что он ничего не понял. Неясный темный силуэт, обрывки одежды... но не успел он сфокусировать взгляд, как что-то мелькнуло перед лицом. Это были движения животного — человек не может двигаться так быстро. Что-то острое больно ударило по лицу, рвануло, раздирая...

Он вскрикнул от ужасной боли.

Следующий удар, гораздо ниже, заставил его сложиться пополам в мучительной агонии, выбил воздух из легких, и он с облегчением провалился в ледяную тьму...

* * *

Салли Холкомб вернулась из затянувшегося похода по магазинам на пару часов позже, чем ожидала. Уже пора было готовить или заказывать ужин. Пикап Дэйва стоял на подъездной дороге около ворот, ведущих на задний двор, и Салли предположила, что Дэйв все еще чинит забор.

— Я дома! — крикнула она.

Понадобилось несколько заходов, чтобы освободить багажник и заднее сиденье от многочисленных пакетов и перенести их на кухню: сперва пакеты с продуктами (скоропортящиеся отправились в холодильник и морозильную камеру), затем товары для дома — от самодельных свечей и ящичков до занавесок и постельного белья.

Совершая последний заход, она остановилась с керамическим цветочным горшком в руках и задумалась: почему Дэйв не предложил помочь с пакетами? Иногда в разгар сложного ремонта он впадал в некое подобие транса, сосредоточившись настолько, что не слышал Салли, которой казалось, что они разговаривают. Ей не раз приходилось напоминать себе, что его невнятное бурчание не имеет никакого отношения к тому, что она говорит. За долгие годы она научилась понимать, когда Дейв в таком состоянии, и дожидаться, когда он закончит работу или сам отвлечется. Если